

УДК 821.512.157.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-19-27

Образ “железного города” в якутской прозе XX века

С. Е. Ноева

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

г. Якутск, Россия

✉ noyeva79@mail.ru

Аннотация. В статье в контексте геопозитического дискурса города / села интерпретируется образ “железного города” в якутской прозе, степень и характер восприятия которого может способствовать отражению особенностей национального мировосприятия, динамики ментального ландшафта в литературе. В контексте заявленной темы особое значение имеет рассмотрение образа героя прозы, сознание которого чрезвычайно отзывчиво к модификациям времени и окружающего ландшафта (нового пространства города как шумного, интересного, пугающего). Выявление границ и рубежей пространства в контексте хронотопической системы акцентирует интерес к *лиминальному (промежуточному) хронотопу дороги* как особому хронотопическому комплексу, также железным образам, белому теплоходу, самолету, поезду и пр. Процесс эволюции героя пути, раскрывающегося в полной мере именно в пространстве дороги, наиболее наглядно отражает проблему самоидентификации человека в огромном урбанистическом пространстве. Подобный ракурс исследования способствует раскрытию жанрово-стилевой эволюции якутской литературы как развивающейся динамичной системы, и, что немаловажно, выявлению уникальных художественных маркеров авторского стиля, а также образа писателя в качестве оригинального носителя национального самосознания.

Ключевые слова: якутская проза, поэтика, городской ландшафт, образ Якутска, текст, эволюция героя, ландшафтное сознание.

Для цитирования: Ноева С. Е. Образ “железного города” в якутской прозе XX века. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2024. № 3 (15). С. 19–27. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-19-27

The image of the “iron city” in the Yakut prose of the twentieth century

S. E. Noeva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch,

Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

✉ noyeva79@mail.ru

Abstract. The article interprets the image of the “iron city” in Yakut prose in the context of the geopoetic discourse of the city/village, the degree and nature of perception of which can contribute to the reflection of the peculiarities of the national worldview and the dynamics of the mental landscape in literature. In the context of the stated theme, the consideration of the image of the prose hero, whose consciousness is extremely responsive to the modifications of time and the surrounding landscape (the new space of the city as noisy, interesting, frightening) is of special importance. The identification of the boundaries and borders of space in the context of the chronotopic system accentuates interest in the liminal (intermediate) chronotope of the road as a special chronotopic complex, also iron images, white motor ship, airplane, train, and so on. The process of evolution of the hero of the road, which is fully revealed in the space of the road,

most clearly reflects the problem of human self-identification in a huge urban space. Such a perspective of research contributes to the disclosure of genre and style evolution of Yakut literature as a developing dynamic system, and, importantly, to the identification of unique artistic markers of the author's style, as well as the image of the writer as an original carrier of national identity.

Keywords: Yakut prose, poetics, urban landscape, image of Yakutsk, text, evolution of the hero, landscape consciousness.

For citation: Noeva S. E. The image of the “iron city” in the Yakut prose of the twentieth century. *Issues of national literature*. 2024. No 3 (15). Pp. 19–27. DOI 10.25587/2782-6635-2024-3-19-27

Введение

В восприятии качеств культурного ландшафта определяющую роль может играть степень иммерсивности (погруженности, вовлеченности) в пространство. Так, для человека *чужого, неместного* в противоположность своему освоенному миру (якутскому *түөлбэ*, родному аласу) мир города воспринимается как пространство совершенно другого свойства, новое, пугающее и вместе с тем завораживающе-интересное. Перевернутость образов и ситуаций порождает двойственность в системе произведения как художественно обоснованного способа отражения новых изменяющихся реалий мира.

Мир города в произведениях первых якутских писателей представляется пространством совершенно фантастическим, открывающим новые возможности для стремящегося к знаниям провинциала, в понимании которого вхождение в городское пространство эквивалентно Пространству Жизни, т. е. Якутск является для него единственным местом для реализации возможности «стать человеком», или иначе *киһи-хара буолуо этэ*. И потому образ семинариста, учащегося духовной семинарии, студента педучилища, пединститута возник как олицетворение *героя нового времени* в литературе, «героя познающего», который максимально полно реализует свои возможности именно в городском мире. К таким образам можно отнести персонажей А. Е. Кулаковского, П. А. Ойунского, А. И. Софронова–Алампа, Н. Д. Неустроева, Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа, Д. К. Сивцева–Суорун Омоллоона, А. А. Иванова–Кюндэ, С. С. Яковлева–Эрилик Эристина и др., чьими произведениями представлена якутская литература начала века, 1900–1930-х гг.

Специфика изображения “железного города”

В материалах воспоминаний первых горожан, перебравшихся в город, Якутск предстает как устрашающее место, полное опасности: «*Элбэх киһини кытта аалсыбатах, нууччалыы үчүгэйдик сангарбат, аан маннай киирбит тыа уолугар Дьокуускай куорат дьулаан дойду этэ. Өргө дылы куорат олоһор үөрэнэн биэрбэккэ эрэйдэммитим*» [1, с. 35–36] (Для меня, только вступившего в город сельского парня, который не привык общаться с большим количеством людей, не владел русским языком, Якутск показался страшным местом), «*Миэхэ, оччотообу тыа оһотугар, Якутскай куорат дьытэ элбэбэ, киһитэ үксэ, килэйэн-халайан сүрдээх дойду буолан көстүбүтэ*» (Передо мной, мальчику с окраины, Якутск с его многочисленными домами, множеством людей, просторными улицами предстал как устрашающее место) [2, с. 291]. В этих текстах в первую очередь отмечается многолюдность как основной признак городского пространства, доставляющего дискомфорт человеку, в первый раз прибывшему из аласа.

В рассказе «Сотору да көстөр сордообут» (1920-е гг.) А. И. Софронова–Алампа на приехавшего в город Кузьму производят сильное впечатление в первую очередь оживленность и суматошность городского пространства: «*Кинини төһө эмэ киһи ситэн ааста, төһө эмэ киһи көрүстэ, хас да киһи, туоруох бокуой биэрбэккэ, түгнэри көтө сыста, “хастара хаһынан тугун сүрдэрэй, добоор, ханна бу курдук ыксабыт дьонуй?” дии саныы истэ. Бэйэтэ даҕаны, хайдах эрэ элбэх дьону көрөн алаадыһан хаалан, утары*

иээччилэргэ кэтиллэ түһүтэлээн, охтуталы да, охтортуу да сыста» [1, с. 18–19] (Его обогнали люди, навстречу шли тоже несколько человек, некоторые не дав ему опомниться, чуть не сбили, “ну что такое, куда они все так спешат?” – подумалось ему. Сам он, сильно озадаченный и растерянный, чуть не упал, притом помешал прохожим, сбившись с пути) (*пер. наш – С.Н.*).

В романе «Сааскы кэм» (“Весенняя пора”, 1944) Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа городской ландшафт в первую очередь ассоциируется с понятием хаоса, который выражается в топографических характеристиках «*аат дойдута*» (ад), «*ыыспа куорат*» (трущобы, город в дыму), «*ширбит куорат*» (сумасшедший город) и признаках «*сүпсүлгэн*» (суматоха, суета), «*куугун-хаабын*» (шум-гам), «*күөрэ-ланкы*» (бардак), «*үллэннэс*» (бардак), «*куугун-хаабын ортотугар*» (среди галдежа, шума)¹.

При конструировании городской среды гротеск и гиперболизация являются основными художественными механизмами, с помощью которых передается энергетика городской жизни. Качественно увеличивающиеся свойства пространства (расширение, усиление, приумножение, прирост, размножение, возрастание и т. п.) создают картину шумной, бурлящей реальности города как динамично-светлого и вместе с тем пугающе-темного мира. Такую высокую степень гиперчувствительности можно наблюдать в описаниях всех реалий урбанистического пространства (движения улиц, процесса городской жизнедеятельности и пр.), тяготеющему к ярмарочности, базарности, где в избытке абсолютно все – люди, деньги, транспорт, еда, движение, эмоции, веселье, идеи и т. д.

В восприятии художественного ландшафта в этот период также интересным представляется способ описания Якутска как “железного города”. В произведениях А. Е. Кулаковского о первой встрече самолета («Самолет», 1924) и большого теплохода («Большая огнедышащая лодка», 1910) создается образ большого, восхищающе-пугающего и как будто живого (!) железного организма (самолета, теплохода), органически слившегося с шумным, громким единым механизмом под названием Город. Смысловая архитектура текста строится на олицетворениях (*дүһүннүүр тыллар, тыыннаабымсытыы*), которые придают художественному субъекту черты огромного живого организма Парохода – *уһун субурбан буруо тыыннаах, уот булкуур сүрэхтээх улуу-дьаалы Борокуот Аал* – восхищающе-завораживающего и пугающе-страшного одновременно: *хаһытаан хардыгынатта, уһуутаан кункунатта, үллэ-үллэ үөгүлээтэ, дьуос-льяакыр тыгырабын төлөрүтүннэ, сылаас паарынан сырылаччы тыынна, инсэлээхтик игиэтиннэ, ынырыктык ынчыктаата, тумсун тупсарынна, кутуругун куйбараннатта, үрдээн күөрэйдэ, улаатан ньондойдо, дыгдайан табыста* (Глубоко застрявший когтистый железный якорь быстро освободила. Шипящим паром прерывисто задышала, словно поглощая раскаленный пар горячей смолы. Закачалась величаво, тяжело застонала, грудь свою выпрямила, рулем помахала. Вширь раздалась, приосанилась, в длину потянулась. Плищами своими, похожими на решетки, гулко заработала, заklubилась, сверкая брызгами. Красновато-розовыми исполинскими своими когтями легко разрезая кипящие струи сильной речной воды, двинулась вперед безудержно) (*пер. – В. Дементьев*) и пр. [3, с. 75–76].

Реальность и иллюзорность присутствия живого огромного ревущего зверя с железными когтями, клювом, хвостом, с железным пылающим сердцем, ощущение его очевидной мощи создают высокую степень иммерсивности в удивительное и фантастическое пространство города, порождающего искусственных чудовищ:

*Мин барахсан
Куйахам күүрдэ,
Кулгаабым чункунаата,
Кутум долгуйда.*

¹Примеры из романа «Весенняя пора» (1944) Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа

(У меня-бедняги – в голове зашумело, в ушах засвистело, кут-душа затрепетала...) [4, с. 108].

(...) *Бу хайытаабытыгар –
Халлааннын хабырытынна,
Сирдиин ньиргийдэ,
Салгынныын сатараата,
Ол уһуутаабыта
Улуу дойду оһуһа
Орулаан эрэрин курдук
Уһун үлүгэрдик
Ол-бу улуу үрэхтэр
Улабаларын диэки
Ой дуораана буолан
Уораһыйан-дуораһыйан
Кункунуу турда...* («Большая огнедышащая лодка»).

(От рева такого небо тяжело заскрежетало, задрожала земля, затрясся воздух. От крика такого, словно от рева сказочного быка земли, за далекими лесами и горами прокатилось эхо, гулко и мощно повторяясь) (пер. – В. Дементьев) [4, с. 107–108].

Железо и бетон как основные строительные материалы в создании фантастического образа Города Будущего обозначены в рассказе П. А. Ойунского «Сүүс сыллаах улуу былаан» (Столетний великий план, 1927). В произведении воссоздана захватывающая реконструкция облика Якутска: намечены принципиальные моменты, касающиеся реновации городского ландшафта – строительства домов, улиц, мостов, которые становятся неотъемлемой частью современного проекта города будущего с хрустальными дворцами, высокими железо-бетонными домами, оснащенными современными коммуникативными системами: «2013 сылтан 2017 сылга Дьокуускай куорат кизбэ-киэлитэ тупсуоҕа, быһыта-таһаата уларыыаҕа. Тимир-бетон дьылэр дьэргэһиэхтэрэ, курустаал таас дыбарыастар күлүмнэһиэхтэрэ. Дьэнкир таас уулуссаларынан килбэһийиэҕэ, араас мастар-оттор үүнүөхтэрэ» [5, с. 143] (С 2013 года к 2017 году изменится, станет лучше и город Якутск, преобразится весь вид и облик его. Взметнутся ввысь дома из железа и бетона, засверкают хрустальные дворцы. Город с мощными камнем улицами заблестает окаймляющими их домами из прозрачного стекла, зазеленеет разными травами-деревями) [5, с. 157].

В книге воспоминаний об Ойунском приводятся его прогнозы, касающиеся модификации городского пространства: «Бу Якутскай куорат Табаҕа хайатыттан Хангалас хайатыгар диэри мырааны аннынан кизэтиэҕэ, биэстии, уоннуу этажтаах таас дьылэрэ дьэндэһиэхтэрэ, оһунан ытыалаабыт курдук көнө асфальт таас уулуссалардаах, университеттаах, академиялаах, культура дыбарыастардаах, кино, драма, опера-балет театрдардаах, коммунизм стилинэн оһоһуллубут Советскай Союз биир бастын куората буола сайдыаҕа» [7, с. 174] (Город Якутск, начиная от Табаги до хангаласских гор, развернется по мыраанам. Возвысятся 5–10-этажные дома, появятся прямые как летящие стрелы заасфальтированные улицы. Наш город станет одним из лучших городов Советского Союза с университетами, академией, дворцами культуры, кино, драматическими театрами в коммунистическом стиле).

Предзнаменование железного века в судьбе города отражается также в стихотворении молодого поэта С. Р. Кулачикова–Элляя «Улуу куорат» (Великий город, 1927). Автор восхищается мощью, энергетикой большого города (возможно, Москвы) и считает это предначертанием и для Якутска – «заснеженной матушки» («хаардардаах ийэккэм»):

*Хаардардаах ийэккэм,
Ханан эрэ эйигин
Хангыл тимир кыайаахтыа,
Халлаангар хаһыытыа!*

*Бу куорат курдук эн
Буруолуон, долгуйуон,
Болгуо-ыстаал күүһүнэн
Мунурсуйбат дьоллонуон!* [8, с. 43].

(Заснеженная Матушка моя, когданибудь и тебя победит крепкое железо, как и этот город ты заволнуешься, задымишь, с помощью закаленной стали станешь могучей).

Особое внимание акустическим характеристикам образа города уделяется в стихотворении «Москва» П. А. Ойунского. Город шумит, звенит, гудит – автором широко используются звукоподражательные глаголы *барылыыр, бардыргыыр, ньирилэс, лынгыныыр, кылыргыыр, лингийэр, тибийэр, ньиргийэр, сипсийэр, сырылыыр, лобуйар, тобуйар, кынгыныыр* и т. д. Весь этот звуковой спектр в первую очередь связан с железным телом города.

*Дьэ, куорат эбэккэм,
Москва ийэккэм!
Сир-халлаан ньирилэс,
Сир-дойду титирэс.
Тырымныы лынгыныыр
Трамвай кылыргыыр,
Лин-лин лингийэр,
Тип-тип тибийэр.
Тимир дьиз иһигэр
Титирии ньиргийэр,
Сип-сип сипсийэр
Цилиндр эргийэр.*

(Бабушка-город, Москва-матушка! Дрожит, гудит небо и земля. Звонко звенит трамвай. В железном доме дрожит, вертится цилиндр) [9, с. 167].

В этот период под впечатлением от города молодым поэтом В. М. Новиковым–Кюннюк Урастыровым было написано стихотворение «Железная птичка», где был воспет первый самолет, совершивший посадку на Зеленом Лугу рядом с г. Якутском. О самолете как железной стрекозе было также написано молодым Д. К. Сивцевым–Суорун Омоллооном:

*Сындыыс тэһнээбэ, дьэргэлгэн доҕоро
Тирилиир-күрүлүүр тимир тэмэлдьигэн
Уутуттан уһуктубут уһун дойдубар
Олонхо олобун абаалта олуһун!* [10, с. 14].

(Железная стрекоза, словно метеорит, звезда, принес на наш проснувшийся край сказочную жизнь как в олонхо).

Познание далеких горизонтов мира становится одним из потенциальных возможностей для героев литературы советского периода. В качестве художественного способа отражения перспектив, углубления границ мира писателями активно используется образ *теплохода*, воплощающего в себе динамику и силу современной жизни. Атмосфера светлого, радостного города ярко передана в 1960-1970-х гг. в рассказах А. И. Федорова, Н. А. Габышева, мастерски создающих характеры современников, образованных, культурных людей, стремящихся к светлому советскому будущему.

Образ белого теплохода в их рассказах может интерпретироваться как персонификация советской жизни, наполненной торжеством, динамикой и мощью: «(...) *чугастаабы тумултан үгүс үрүн уотунан күлүмүрдээбит, кыһыл, күөх сулус лаампалардаах улахан борохуот сандааран тахсар, үчүгэй да буолуо, онно борохуот иһигэр, онно – сырдык, ичигэс, элбэх дьон, ас-үөл, көр-нар, музыка...*» [11, с. 159.] (из-за ближайшего мыса, сверкая разноцветными огнями, появился большой теплоход. Хорошо там, внутри теплохода – светло, тепло, много людей, еда, радость, музыка...); «*Үүт манган күлтэгэр пассажирскай борохуот киэн Ленанан доллойо устар. (...) Чэйдээччи элбэх, аргыс аргыһын эгининэн*

бары күндүлүү сатыыр. Саахыматтыыр, дуобаттыыр уонна өссө хаартылыыр бөлөхтөр үксээн бардылар» [11, с. 219-220] (Белый большой пассажирский пароход величественно плывет по Лене. (...) Едящих много, угощают друг друга разными вкусами. Появились группы игроков на шахматах, в шашки и в карты); «Киров теплоход, Москва өрүс сизкилэ таас ньуурун силэйэ анньан, дьулуруйан иһэр. Өрүс уутугар күн көрүнэн кыһыл көмүс кыырнахтарынан ыһаахтанар. Теплоходтар баһаам үгүс дьону тизэйэн, хардары-таары бидилиһэн ааһаллар. Ырыа-тойук, музыка тыаһа өрө ньыргыйэн тахсан, ыраас салгынна көңүлүнэн дьизэрэйэ көтөр» [12, с. 87] (Теплохов «Киров», рассекая прозрачные воды Москвы реки, плывет вперед. Песня, музыка взвиваются вверх, в чистое свободное небо); «Борокуот Лена мэндээркэй изнин тоҕо силэйэн дьулуруйан истэ. Иннибитигэр Якутскай таас дьизлэрэ күн сарданатын сөрөнөн кылбааран көһүннүлэр» (Пароход мчался по широким волнам Лены. Впереди показались светлые каменные дома Якутска, озаренные лучами солнца) [13, с. 216].

Интересна поэтическая интерпретация, представленная в стихотворении Семена Данилова. Поэт, восхищаясь московскими небоскребами, проводит аналогию с кораблями, стремительно движущимися на север. Мощь кораблей, держащих курс на север, становится в произведении символом прогресса, динамики советской эпохи:

*Халлааны хайа суруйар,
Халлаанна тайанан турар
Күлүмүрдэс үрдүк дьизлэр
Күн тахсытыгар дыктилэр.
Мин хаамабын дьон бөлөбөр,
Бу аарыма тутуулары сөбө:
Мин дойдубар – Саха сиригэр
Үүнүөхтэрэ эбээт манньык дьизлэр.
Собуруу устар сэдэх былыттар
Кинилэр чыпчаалларын аалаллар.
Былыттар устубаттар,
бу дьизлэр усталлар,*

Хараабыл буоланнар,

хоту,

мин дойдубар! [14, с. 87].

(Прекрасны, упирающиеся в небо, сияющие высокие дома, на восходе солнца. Когда-нибудь и в моей Якутии вырастут такие дома. Их высот касаются плывущие на юг редкие облака. Не облака плывут, а эти дома, превратившись в корабли, на север, на мою родину!).

Образ теплохода есть неотъемлемая часть городского ландшафта и является составляющей частью советского позитивного имиджа города как динамичного пространства с сильной энергетикой. Теплоход на Лене в качестве смысловой параллели, ассоциативно соединяющей северный город с московскими, петербургскими пространствами, становится образом, в котором синтезируется идея всех советских людей – светлая мечта о коммунизме.

Можно отметить, что трансформация, произошедшая с человеком, которому открылись границы новых пространств (в т. ч. и города), обусловлена, прежде всего, жанровой спецификой произведения, которая определяет характер отношений человека и мира – это прежде всего повести и романы социально-психологического, историко-революционного жанра. В повестях «Хапсыһыы» («Схватка», 1983), «Көтүү» («Взлет», 1986) Е. П. Неймохова ярко представлены атмосфера и дух советского времени. В произведениях активно привлекаются образы *теплохода* и *самолета* (как аналогичного символа силы и мечты человека) в раскрытии образа героя, сюжета произведения. Якутск открывается взорам героев нового времени: молодой учительнице Ююйе, оперной певице Антониде Долгуновой преимущественно с палубы белого парохода: «Пароход тумсугар тэлибириир кыһыл былаах анараа өттүгэр кытылга самнаспыт мас дьизлэр харааралларын көрөөт,

Антонида сүрээбэ мөбүл гынна. Дьэ бу кэллээбэ Якутскай куорат барахсан... » [15, с. 6] (Когда за красным флагом, колыхающим на носу теплохода, показались стоящие на берегу деревянные низкие дома, сердце Антонида встрепенулось); «Дьэ бу онон-манан тоһутталаммыт тротуардаах, элбэх күн-дьыл өксүөнүн, ардабын-хаарын оборон хараарбыт эркиннэрдээх, сорохторо аkyлааттара сир кырсын хоту ингнэл-таннал түспүт дьыллэрдээх Дьокуускайым барахсан!» [15, с. 8–9] (Мой Якутск со старыми тротуарами, с накренившимися под тяжестью веков темными домами любимый город); а подающему надежды борцу Толе Догордурову с иллюминатора самолета: «Ил-18 самолет халлаанга ханарыйан тахсарыгар Толя иллюминаторынан аллара көрбөхтөөтө. Якутскай арабас, күөх кырааскалаах таас дьыллэрэ, харанара көбөрөн Өлүнэ эбэ инэ кынат анныгар ууга-хагас ингэннээмэхтээн ыллылар. Итиннэ ханна эрэ Сэргэлээбэ уонна нарын-сэмэй Ира барахсан хааллахтара» (Когда Ил-18 поднялся на небо, Толя посмотрел в иллюминатор. Под крылом самолета было видно ярко-желтые, голубые каменные дома, темно-синюю реку Лена. Там где-то остались Сергелях и нежная, скромная Ира) [16, с. 44].

Якутск становится связующим звеном между молодой оперной певицей, спортсменом и другими мега-городами, Новосибирском, Москвой, Варной, Токио, Берлином и др., подобно магическим воротам в другие измерения. Такую же пространственную перспективу, определяющую одно из характерных свойств данного топоса – открытие через ворота города горизонтов мира – можно наблюдать в повестях М. Н. Догордурова, А. И. Федорова, В. Н. Гаврильевой, Н. А. Габышева, Софр. П. Данилова, в романах писателей этого периода В. С. Яковлева-Далана, Н. Г. Золотарева - Якутского, И. М. Гоголева, Н. А. Лугинова и др.

Понимание Якутска как “железного города” становится традиционным для якутской литературы. В конце XX века в литературе появляются новые мотивы и сюжеты, раскрывающие образ Якутска как апокалиптического мира. Так, в романе писателя следующего поколения И. М. Гоголева «Хара кыталык» (Черный стерх, 1977–1987) встречается материал про пророчество удаганки о надвигающемся железном веке. В видениях удаганки предстал город с железными птицами и орущими железными быками, бегающими над озером Сайсары: «*Бу куоракка кутум-сүрүм тохтообот буолла. Бу бүтэһик киирэ сылдыһым. Дьиктини көрүүлэнэбин... Көрүүлэнэхпинэ, Туймаада эбэ үрдүнэн төбөтө суох тимир көтөрдөр күүгүнүү көтөр буоллахтара... Сайсары күөлүн аттынан тимир оҕустар орулуу-оруюу тигинэхэ сырсаллар... Тузун дьиибэтэ эбитэ буолла. Тимир үйэ кэлээри гыннаба...*» [17, с. 10] (Неуютно мне в этом городе. Это мой последний приезд. Видения у меня странные... Вижу, как над долиной Туймадой летают безголовые железные птицы... У озера Сайсары бегают орущие железные быки... Видимо, приближается железный век...).

Параллель города с мифологической страной мертвых или нижним миром абаасы можно отметить и в ряде произведений, где тюрьма интерпретируется в качестве дьявольского железного мира. К примеру, нижний мир (мир абаасы) существует в поэтике романа И. М. Гоголева–Кындыла в качестве страшного города и в большинстве случаев реализуется посредством архетипов психиатрической больницы, тюрьмы. Описание Охотской тюрьмы, куда был выслан Манчаары, герой одноименного романа, дается писателем особо эмоционально, красочно. В тексте отмечается достаточно много упоминаний о железных дверях, цепях, кандалах, нарах, решетках – основных атрибутах дьявольского нижнего мира. Даже сторож этого злополучного места является бывшим кузнецом, мастером железа: «*Олбуор анныгар икки арсыын кэринэ туоралаах ханааба уута тимир курдук тымныытык килэбэчийэр. Ити уулаах ханааба түгэбэр уһуктаах тимир үөрбэлэр батары саайыллан турар сурахтаахтара*» [18, с. 198] (Под забором в канаве в два аршина шириной как железо холодно сверкает вода); «*Ылтаһын миискэбэ хааһы дуомун уунаат, хабыстык киэр хайыһаллар, тахсан бараллар. Тугу эмит ыйыттабына хоруоп курдук, иин буорун курдук... сангарбаттар!*» [18, с. 322] (В жестяной

миске, подав кашу, быстро отворачиваются и уходят. Если что-то спросить, следует молчание как в гробу, как в могиле) (С. Н. – *пер. наш*).

Город как экзистенциальный порог становится местом контраста, подчеркивающим кризисные состояния мира и человека, где не могут быть в полной мере реализованы человеческие потребности, и потому город воспринимается в качестве места экзистенциальной грани (края), порождающей множество проблемных ситуаций.

Заключение

Потенциал героя прозы 1940-1980-х гг. актуализируется в особой пороговой ситуации – его вхождением в город. Образ “железного города” становится художественной проекцией ландшафтного сознания человека, меняющегося вместе с глобализирующимся миром. Модификации общественно-культурной жизни общества, усматривающиеся в сложном процессе смены отношений от естественных природных ландшафтов к искусственной среде города, создают облик человека нового времени. Это горожанин, новый герой якутской литературы, который сумел найти свое собственное место в пространстве города. Стоит заключить, что освоение границ “железного города” как олицетворение эволюции сознания, внутренней динамики персонажа наиболее полноценно передает весь спектр открытости сознания человека новой эпохи, для которого пространство Якутска становится не только локусом города света и науки, но и города-тюрьмы, апокалиптическим пространством.

Л и т е р а т у р а

1. Софронов, А. И. Талыллыбыт айымньылар : стихи / А. И. Софронов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1964. (на якут. яз.).
2. Протодьяконов, В. А. Киһини итэбэйэр буоллахха : рассказы, повесть / В. А. Протодьяконов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1982. (на якут. яз.).
3. Кулаковский, А. Е. Сновидение шамана : поэма / А. Е. Кулаковский. – Москва : Худож. лит., 1990. – 25 с.
4. Кулаковский, А. Е. Ырыа-хоһоон : стихи, поэмы / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Бичик, 2012. – 368 с. (на якут. яз.).
5. Ойунский, П. А. Талыллыбыт айымньылар : рассказы, повести / П. А. Ойунский. – Якутск : Бичик, 1993. – 456 с. (на якут. яз.).
6. Борисова-Слепцова, А. А. В поисках золотого зерна : переводы / А. А. Борисова-Слепцова. – Якутск : Айар, 2022. – 368 с.
7. Ойунский, П. А. 1893–1963. Ыстатыйалар уонна ахтыылар : статьи / П. А. Ойунский. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1963. – 222 с. (на якут. яз.).
8. Кулачиков, С. Р. –Эллэй. Хоһооннор, поэмалар : стихи / С. Р. Кулачиков. – Як. книж.изд-во, 1954. – 636 с. (на якут. яз.).
9. Ойунский, П. А. Айымньылар. Т. 1. : Стихи / П. А. Ойунский. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1958. – 234 с. (на якут. яз.).
10. Сивцев, Д. К.–Суорун Омоллоон. Айымньылар уонна үлэлэр толору хомуурунньуктара. Т. 1. / Д. К. Сивцев. – Якутск : Якутия, 2006. – 320 с. (на якут. яз.).
11. Габышев, Н. А. Эн биһикки олохпут : рассказы / Н. А. Габышев. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1972. – 258 с. (на якут. яз.).
12. Федоров, А. С. Добо́ттор : рассказы / А. С. Федоров. – Якутск : Як. книж.изд-во, 1982. – 94 с. (на якут. яз.).
13. Федоров, А. С. Күөх кырыс : рассказы / А. С. Федоров. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1980. – 312 с. (на якут. яз.).
14. Данилов, С. П. Хоһооннор, поэмалар : стихи / С. П. Данилов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1967. – 479 с. (на якут. яз.).
15. Неймохов, Е. П. Көтүү : повесть / Е. П. Неймохов. – Якутск : Як.книж.изд-во, 1986. – 224 с. (на якут. яз.).
16. Неймохов, Е. П. Хапсыһыы : повесть / Е. П. Неймохов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1983. – 304 с. (на якут. яз.).

17. Гоголев, И. М. Хара кыталык : роман / И. М. Гоголев. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1982. – 288 с. (на якут. яз.).
18. Гоголев, И. М. Манчаары : роман / И. М. Гоголев. – Якутск : Бичик, 2001. – 352 с. (на якут. яз.).

References

1. Sofronov, A. I. (1964) *Selected works*. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
2. Protod'yakonov, V. A. (1982) *If you believe the people* / V. A. Protod'yakonov. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
3. Kulakovskij, A. E. (1990) *The Shaman's Dream*. Moscow: Hudozh.lit. (in Russian)
4. Kulakovskij, A. E. (2012) *Songs-poems*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)
5. Ojunsij, P. A. (1993) *Selected works*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)
6. Borisova-Slepceva, A. A. (2022) *In search of the golden grain*. Yakutsk: Ajar. (in Russian)
7. Ojunsij, P. A. (1963) 1893-1963. Articles and memoirs. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
8. Kulachikov, S. R.-Ellej. (1954) *Poems*. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
9. Ojunsij, P. A. (1958) *Works*. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
10. Sivcev, D. K.-Suorun Omolloon. (2006) *The Complete Works. T. I*. Yakutsk: ID Yakutiya. (in Yakut)
11. Gabyshev, N. A. (1972) *Our life with you*. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
12. Fedorov, A. S. (1982) *Friends*. Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo. (in Yakut)
13. Fedorov, A. S. (1980) *Virgin land*. Yakutsk Yak. knizh. izd-vo. (in Yakut)
14. Danilov, S. P. (1967) *Poems*. Yakutsk: Yak. Knizh. Izd-vo. (in Yakut)
15. Nejmhov, E. P. (1986) *Flight*. Yakutsk: Yak.knizh.izd-vo. (in Yakut)
16. Nejmhov, E. P. (1983) *Fighting*. Yakutsk: Yak.knizh.izd-vo. (in Yakut)
17. Gogolev, I. M. (1982) *Black sturgeon*. Yakutsk: Yak. knizh. izd-vo, 1982. (in Yakut)
18. Gogolev, I. M. (2001) *Manchaary*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)

НОЕВА Саргылана Еремеевна – к. филол. н., с. н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН».

E-mail: noyeva79@mail.ru

Sargylana E. NOEVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.